

РИНА
БЕЖ

БЫВШИЕ

вернуть всё назад

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Рина Беж

Бывшие. Вернуть всё назад

<https://litres.ru/74615994>

Аннотация

– Мама? Ты – мама? Андрей впивается в меня взглядом. Пронзительным и одновременно удивленным. – Я? – глупо переспрашиваю. Но в следующую секунду, когда подлелевшая Дашка обнимает меня своими маленькими, худенькими ручонками и, задрвав светловолосую макушку, заглядывает ясными голубыми озерами в мои глаза, уверенно соглашаюсь. – Да. Я – мама. – Значит, у тебя дочка, – кивает сам себе Данилевич и вдруг хмурится, обжигает меня холодом. – Она моя? *** Мы не виделись семь лет. Я, честно, уже и не надеялась. Ведь для этого кое-кто приложил туеву кучу усилий. Буквально стер меня как личность и переписал жизни всех моих родных заново. И на тебе, пожалуйста, чудеса случаются. Даже когда их уже не ждешь. Даже против воли наделенных властью небожителей.

✓#История Макара Уленского "Тётя доктор, не уходи!"
История участвует в мобе Бывшие. Когда время не властно

♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ
АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ
НОВИНКИ И НОВОСТИ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	64
Глава 10	72
Глава 11	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1

– Мама? Ты – мама?

Андрей впивается в меня взглядом. Пронзительным и одновременно удивленным.

– Я? – глупо переспрашиваю.

Но в следующую секунду, когда подлетевшая Дашка обнимает меня своими маленькими, худенькими ручонками и, задрав светловолосую макушку, заглядывает ясными голубыми озерами в мои глаза, уверенно соглашаюсь.

– Да. Я – мама.

– Значит, у тебя дочка, – кивает сам себе Данилевич и вдруг хмурится, обжигает меня холодом. – Она моя?

Мы не виделись семь лет. Я, честно, уже и не надеялась. Ведь для этого кое-кто приложил туюву кучу усилий. Буквально стер меня как личность и переписал жизни всех моих родных заново.

И на тебе, пожалуйста, чудеса случаются. Даже когда их уже не ждешь. Даже против воли наделенных властью небожителей.

Глава 1

Наталья

Телефон, переведенный на время работы в беззвучный режим, щекотно вибрирует в ладони. Прикусив губу, ожидаюсь, когда лифт раскроет створки, и толпа служащих, подпиральная меня со всех сторон, хлынет к выходу, даю себе

секунду передышки и устремляюсь вслед за ней.

Неудивительно, что все так спешат.

Пять часов вечера, пятница.

Люди не просто хотят, они жаждут поскорее сбежать из офиса. И неважно куда: в гости, домой, в магазин или клуб. Главное, туда, где нет постоянного надзора со стороны начальства, коллег, камер, службы безопасности. Где не отслеживается каждый твой шаг, слово, действие, взгляд. Где без вопросов можно скинуть неудобную обувь, вытянуть ноги, ослабить галстук-удавку или расстегнуть едва дающую нормально дышать юбку-карандаш. Где можно наконец-то стать самим собой, а не винтиком огромной системы, коей является наша огромная энергетическая компания, насчитывающая более десятка филиалов по всей стране.

Моё желание созвучно с желаниями остальных. Потому, вбивая шпильки новых сапожек в покрытый мрамором пол фойе, я, как и все, спешу сначала к турникету, а затем к огромным стеклянным вращающимся дверям.

Попутно застегиваю последние пуговицы пальто и, активировав экран телефона, заглядываю в мессенджер.

«Наташ, мы с Дашкой подъехали. Машина на стоянке слева. ЛЕВАЯ сторона!!! Не перепутай))»

«ПыСы. Если что, обручальное кольцо у тебя на правой руке!))) Ждём»

Читаю сообщения, присланные Михал Михалычем – так в моём телефоне подписан контакт мужа, – считаю воскли-

цательные знаки и скобочки-подначки, заменяющие эмодзи, и не сдерживаю широкой искренней улыбки.

О, да. Алексеев опять прав. Путать «лево» и «право» — моя неизлечимая болезнь еще со школы, а ведь по паспорту давно уже двадцать семь стукнуло.

«Бегу к вам!»

Вбиваю ответ, спускаясь с невысокого крыльца. Вскидываю голову, чтобы определиться, как лучше пройти до стоянки, и в этот момент под ногами мелькает размытое рыже-коричневое пятно. Секунда. Что-то резко, как лассо, стягивает мои икры, и вместо шага я, стреноженная, испуганно взмахиваю руками и лечу носом вперед.

Ахнув, выставляю ладони. Уж лучше при падении оцарапаю и пораню их, чем лицо. Телефон с неприятным «Жмяк!» выскальзывает. Готовлюсь отбить колени и испачкать в весенней слякоти светлое пальто. Даже зажмуриваюсь...

— Ак-куратнее!

Встреча с асфальтом так и не происходит.

Чьи-то сильные руки цепляют меня за плечи практически в последний момент, а затем уверенным рывком оттягивают назад и заставляют выпрямиться.

— Стоим-стоим, не падаем. Всё. Я держу.

Пытаясь отдышаться, проморгаться и привести в норму вестибулярный аппарат, не сразу реагирую на голос.

А он между тем продолжает:

— Девушка! С вами всё в порядке?

Интонация меняется. Она остается по прежнему тихой и твердой, но кое-где проскакивают напряженные нотки.

Открываю рот, чтобы ответить утвердительно, успокоить, а заодно поблагодарить неизвестного спасителя за помощь. Но не успеваю издать и звука. К мужскому голосу добавляется взволнованный женский:

– Прошу прощения, девушка! Мне очень стыдно! Джесси так резко сорвался с поводка, что я не успела среагировать и его остановить. И тут такая неприятность, вы чуть не упали! Боже ты мой, а если б поранились...

– Кхм, – прочищаю горло, которое от испуга перехватило спазмом, и слегка глухо проговариваю, – всё в порядке. Я цела.

Отвожу упавшие на лицо волосы и растягиваю губы в улыбке, потому что стоящая передо мной женщина действительно выглядит бледной.

– Фух! Я очень рада, что обошлось! – выпаливает она, одной рукой держась за грудь в области сердца, а второй прижимая к боку притихшую лохматую болонку. – Еще раз меня извините.

– Нормально, – киваю и поворачиваюсь к стоящему сбоку мужчине.

Пока я общалась с хозяйкой виновницы переполоха, оказывается, он успел поднять и теперь протягивает мне мой телефон.

На каблуках я где-то метр семьдесят пять, но, чтобы за-

глянуть мужчине в лицо, мне приходится задрать голову.

Метр девяносто точно. Отмечаю рост мимоходом.

– Спасибо вам огромное, – рапортую бодро, забирая мобильник, но делаю это лишь до той секунды, пока наши взгляды не встречаются.

А едва наступает осознание, кого я перед собой вижу, тело словно молнией прошивает. Насквозь. Через макушку и до пят. Язык отнимается.

Меня окутывает давно забытое состояние. Смесь волнения и опасности – коктейль, который я не пробовала уже долгих семь лет.

– Привет, Наташа.

Андрей первым из нас берет себя в руки. А может, в отличие от меня, его наша встреча совсем не шокирует.

Я же... я себя теряю.

Понимаю, что нужно вести себя иначе, проще. Улыбнуться, поблагодарить за помощь и, разорвав зрительный контакт, пойти туда, где меня ждут. Сделать не так много, чтобы ощутить свободу. От него. Но тягучая мужская аура окутывает с головы до ног, мешая дышать и двигаться.

– Ты словно привидение увидела, – добавляет Данилевич, не дождавшись от меня ни звука.

И даже не догадывается, насколько сейчас он прав.

Я действительно думала, что мы больше никогда не увидимся. Ведь для этого кое-кто приложил туеву кучу усилий. Буквально стер меня как личность и переписал жизни всех

моих родных заново.

И на тебе, пожалуйста, чудеса случаются. Даже когда их уже не ждешь. Даже против воли наделенных властью небожителей.

Судьба, то ли шутница, то ли злодейка, столкнула нас с Андреем Данилевичем вновь. В стране, которую он покинул много лет назад. В одной точке многомиллионного города, про который мы, обсуждая семь лет назад всё-всё-всё на свете, включая наши планы на жизнь, никогда не говорили.

Ну разве это реально?!

– Привет, Андрей, – через силу выталкиваю из себя два коротких слова.

Облизываю пересохшие губы и вздрагиваю от детского звонкого голосочка.

– Мамочка! Мама, – Дашка, сияя незамутненной улыбкой счастливого ребенка, размахивая ручками и не обращая внимания на слякоть, несется ко мне. – Мама, а я тебя издалека увидела! Я – молодец?!

Конечно, молодец.

Жаль только, снова от отца убежала, маленькая непоседа, и про шапку забыла, а капюшон на светловолосой макушке почти и не держится.

Мысли за секунду проскакивают в голове, пока новый вопрос Данилевича не раскидывает их, как шар кегли, метким попаданием.

– Мама? Ты – мама?

Андрей впивается в меня взглядом. Пронзительным и одновременно удивленным.

Да нет. Шокированным.

Кажется, наличие ребенка – вот что по-настоящему выбивает его из колеи, а не наша случайная встреча.

– Я? – глупо переспрашиваю.

Буря в его наливающимися непонятной темнотой глазах практически парализует.

Но в следующую секунду, когда подлетевшая Дашка едва не сносит меня с ног, смеясь, обнимает своими маленькими, худенькими ручонками и, задрав остренький подбородок, заглядывает ясными голубыми озерами в мои глаза, усилием воли беру себя в руки и уверенно соглашаюсь.

– Да. Я – мама.

Разве могут быть сомнения?

Вот и Андрей, внимательно посмотрев на Дашку, такую же светловолосую и тощую, как и я, приходит к аналогичному выводу. И больше не сомневается.

– Значит, у тебя дочка, – кивает он сам себе и вдруг хмурится, о чем-то усиленно размышляя. – А сколько ей?

– Шесть с половиной.

Ответ легко и быстро слетает с моих губ. Над ним я даже не задумываюсь. За последний год, что мы усиленно готовимся к поступлению в школу, посещая кружки и секции, привыкла давать его едва ли не каждый день.

Вместо того, чтобы просто кивнуть, Данилевич напряга-

ется всем телом — не вижу, чувствую это под слоями одежды — и обжигает меня непонятным холодом.

— Она моя? — рубит отрывисто.

Я даже отшатываюсь на полшага, спасаясь от ледяных молний, что мечут голубые глаза мужчины. Негатив буквально распространяется в воздухе, делает его более густым и вязким, пожирает кислород.

Если б не обнимающая меня дочь, отскочила б еще дальше. Такого Данилевича я раньше никогда не видела. А видела я его всяким. И веселым, и грустным, и расслабленным, и уставшим, и даже злящимся... но не на меня.

Никогда на меня.

Что?

Не знаю, произносят это мои губы или я спрашиваю Андрея глазами, но он повторяет вопрос вновь:

— Твоя дочь, Наташа, она моя?

— Мамочка?

Именно удивление в голове моей девочки, что, конечно же, прислушивается к разговору старших, дает пинок под зад, заставляя не стоять больше истуканом, а двигаться туда, куда и положено. Прочь.

— Нет, Андрей. Она не твоя, — произношу твердо. И без паузы. — Прости, нам пора. И еще раз спасибо за то, что уберег от падения.

Едва ли не силой заставляю себя отвести от мужчины взгляд. Подмигиваю сразу заулыбавшейся Дашке и, обхва-

тив ее тоненькую ладошку своей, даю дёру. Точнее, вбивая каблуки в асфальт, покидаю место встречи с прошлым.

Глава 2

Наталья

– Привет, а вот и мы! – заявляю жизнерадостно и, на секунду прижавшись к мужу, целую в гладковыбритую щеку.

– Привет, Нат.

Михал Михалыч привычно стоит возле машины, опираясь ладонью на капот. Дождаться супругу внутри салона по его личному убеждению абсолютно неприемлемо, а вот выйти, встретить, распахнуть ей дверь и помочь присесть – в порядке вещей. Ни дождь, ни метель, ни состояние здоровья еще ни разу его не остановили.

– Всё в порядке? Ты выглядишь слегка взбудораженной.

Моё недавнее волнение не остается незамеченным. Впрочем, это нисколько не удивляет. Внимательность к деталям – одна из основных черт моего мужа, наложенная его характером и профессиональной деятельностью. Как и умение считывать эмоции окружающих его людей.

Про близких и говорить нечего. Мы с Дашкой у Миши как на ладони, но нас обеих это абсолютно устраивает.

Киваю.

– Я... да... представляешь, собака под ноги бросилась, я думала расшибусь.

– Но обошлось? – прежде чем заглянуть мне в глаза, муж окидывает мое тело внимательным взглядом и даже по пле-

чам и спине ладонями проводит.

– Да. Не волнуйся. Меня успели поймать.

– Слава богу.

Усмехаюсь.

А еще говорят, что многие врачи атеисты. Михал Михалыч точно не из таких.

– Ты сам как? – меняю тему – думать и вспоминать о том, кто и как меня ловил, пока слишком сложно, позже этим займусь... наверное.

Не менее пристально, чем он меня, изучаю супруга. Легкая бледность не остается без внимания.

– Миш, хочешь, я сяду за руль?

Касаюсь его ладони своей.

– Нет, всё нормально, – перехватывает мои пальчики, аккуратно сжимает. – Я сам.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Хорошо.

Не берусь больше спорить. Муж знает, что делает. Рисковать нами, чтобы что-то себе доказать, он никогда не станет. А я не стану подрывать его мужской авторитет.

Миша помогает нашей непоседе забраться на заднее сиденье. Дожидается, когда Даша самостоятельно пристегнется в детском кресле и кивнет, только после этого захлопывает дверь. Ту же манипуляцию повторяет со мной.

– Нам нужно поговорить, – произносит, заняв водитель-

ское сиденье.

Тон, которым он это делает, заставляет напрячься. Слишком серьезный. Я бы даже сказала сухой. Но направленный точно не на меня, а на те события, которые он хочет обсудить.

– Хорошо, я слушаю.

Игнорируя легкий холодок, что пробегает по телу, поворачиваюсь на кресле, чтобы быть к нему лицом.

Но Михал Михалыч отрицательно ведёт головой.

– Не сейчас, Нат. Давай сначала отвезем Дашку в ДДЮ, иначе опоздаем. И, пока она будет на занятиях, где-нибудь вдвоем поужинаем и поговорим.

Полчаса спустя машина останавливается возле Дома детей и юношества. Внутрь заходим втроем. Дашка, неутомная душа, прыгает по центру, цепляясь за меня и за отца. Она обожает, когда мы все вместе. Но продолжается это лишь до тех пор, пока шалунья не замечает Диану и Тасю, своих закадычных подружек.

– Ой, можно я с девочками поиграю?! – выпаливает она, во все глаза таращась на яркую розовую мохнатую игрушку, которой те перекидываются.

Не дожидаясь согласия, расцепляет ладошки и поспешно стягивает с плеч лямки голубенького рюкзака, в котором таскает тетрадки, альбом и цветные карандаши. Следом избавляется от курточки, шарфа и шапки. И, вручив всю охапку нам в руки, уносится, повизгивая и сверкая пятками.

– Только не шумите сильно, – выговаривает Миша ей в спину и, переглянувшись со мной, усмехается и качает головой. – Пустой номер, да?

Пожимаю плечами.

Естественно, она ничего не слышала. Но переживать не приходится. Девчонки ведут себя нормально, никому не мешают, не толкаются и не кричат.

А спустя десять минут Римма Егоровна забирает их на урок.

– Дорогие родители, напоминаю, что мы будем заняты следующие полтора часа. Это время вы можете провести внизу в холле и подождать там, либо отбыть по своим делам. На перемене я за детьми пригляжу, – повторяет она неизменную фразу.

Мы отбываем.

– Давай только выберем что-нибудь поблизости? – предлагаю, забираясь в еще неостывший салон авто.

Михал Михалыч со мной соглашается и, потратив на дорогу совсем немного времени, распахивает дверь и пропускает меня вперед в просторное, состоящее из двух залов кафе.

– Здесь мило, – делаю вывод, немного осмотревшись.

Мне нравится стиль лофт и обстановка, выдержанная в серых и черных с желтыми вкраплениями тонах. Даже на вид удобные кресла и диванчики так и манят присесть, а витающий в воздухе аромат свежей сдобы и корицы разжигает ап-

петит.

– Да, уютно. А главное, музыка не бомбит по ушам и можно спокойно поговорить, – добавляет муж.

Едва ощутимо прикасаясь ладонью к моей пояснице, он ненавязчиво направляет меня к дальнему угловому столику, отгороженному от остальных деревянной перегородкой. Помогает снять пальто и, повесив его на стоящую поблизости вешалку, делает знак официанту подойти.

Заказ у нас принимают быстро. Дожидаясь подачи, решаю уточнить.

– Ты здесь уже бывал. Верно?

– Да. Один раз. Недавно, когда встречался с Боткиным. Вот как? А я про встречу мужа с адвокатом была не в курсе.

– Ты не говорил...

Произношу, не пытаясь скрыть удивление.

– Да тут и говорить не о чем, Нат, – ровно отвечает муж, не отводя взгляда. – Встречались на той неделе. За полчаса выпили по чашке кофе, подписали кое-какие бумаги и разбежались по своим делам.

Звучит правдоподобно и даже обыденно, но внутри что-то царапает. Пытаюсь понять, что именно, ухватить эту царапку за хвостик, но появившийся возле столика официант с наполненными тарелками и чашками подносом сбивает с мысли.

Некоторое время молчим и отдаем должное заказанным

блюдам. А едва я опускаю нож и вилку на тарелку и придвигаю к себе поближе стакан с безалкогольным глинтвейном, Михал Михалыч сбивает меня с ног новостью.

– Наташ, ты только не волнуйся. Через два дня я ложусь в больницу на обследование.

– Снова?

Выталкиваю из себя лишь одно слово. И то с трудом. Меня начинает потряхивать. Осознаю это, когда муж накрывает мою в момент заледеневшую ладонь своей и аккуратно ее сжимает.

– Милая, так надо.

– Тебе стало хуже?

Прикусываю изнутри щеку, чтобы удержаться от слез. И ведь понимаю, что веду себя неправильно. Мише нужна моя поддержка, а не сопли и слюни, но как же это сложно – быть сильной.

– Нет, Нат. Не стало.

– Честно? – теперь уже сама мертвой хваткой цепляюсь за него.

– Да.

– И на сколько в этот раз?

– Две недели.

– Я же смогу тебя навещать?

Кажется, Миша очень хочет сказать нет, но в последний момент передумывает. И за это я люблю его еще больше.

– Я постараюсь договориться.

Глава 3

Наталья

Слишком многое сваливается на плечи за короткий промежуток времени. Встреча с прошлым, неясное будущее. Вопросы, ответы, домыслы. Меня штормит и кидает из одного в другое. Ни там, ни там нет покоя. И отстраниться, как и переключиться не получается.

Пытаюсь скрыть раздрай, набирающий обороты в моей метущейся душе, обосновавшись на кухне, но с Михал Михалычем этот номер не прокатывает.

Тонко уловив мое состояние, вместо того чтобы как обычно уйти в кабинет и там поработать, он берет меня за руку и уводит от раковины, где я по второму кругу решаю помыть посуду, в гостиную.

– Нат, а давай вместе фильм посмотрим.

Даже не вопрос, утверждение.

Прихватив из кресла плед, муж первым опускается на диван и отводит руку в сторону, предлагая мне нырнуть к нему под бочок.

Борюсь не столько с ним, сколько с собой.

– Миш, но у тебя же, наверное, дел невпроворот? А ты тут со мной возишься.

Голос звучит надтреснуто, но иначе не выходит. И это не упрек, эмоции жгутся. И муж снова это понимает.

– Ты важнее.

Важнее... я...

Два коротких слова.

А такие сильные.

Колючий комок, назревающий в грудной клетке, становится еще больше. Распирает меня. Часто-часто моргаю. Нельзя плакать. Нельзя!

И вместе с тем...

Ну вот как он так тонко всё чувствует?

– Я боюсь... – наконец, озвучиваю самое главное, ныряя в его объятия.

А он на грудь меня к себе укладывает. По спине ведет. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Теплая рука. Согревающие объятия. И теплые губы, что к виску прикасаются и ненадолго там замирают.

– Не надо бояться, милая. Ты у меня сильная девочка, и со всем обязательно справишься... А теперь давай смотреть фильм про твою Слоун. Не зря ж ты мне про нее столько рассказывала...

Наступившая за пятницей суббота ничем не отличается от многих предыдущих.

Михал Михалыч с утра уезжает на машине в клинику. Последние полгода он сам практически не оперирует, но даже на консультации к нему расписана многодневная очередь.

Мы с Дашкой к одиннадцати на автобусе едем в ДДЮ. От покупки второй машины в семью я отказалась сама. Неуют-

но за рулем себя ощущаю. И сажусь на водительское кресло, только если муж себя плохо чувствует.

– Мам, ты сегодня никуда не уйдешь? – любопытничает дочка, прежде чем бежать на урок английского.

Улыбнувшись, приседаю на корточки и, поправив белый кружевной воротничок, украшающий светло-зеленое вязанное платье, успокаиваю:

– Нет, Даш. Не уйду. Внизу посижу с другими родителями.

– А папа за нами придет?

Улыбаюсь шире.

– Придет, конечно. Разве иначе когда-нибудь было?

– Нет, не было, – довольная, как слон, Дарья мотает головой, отчего косички летают из стороны в сторону.

– Ну вот тебе и ответ, – аккуратно щелкаю ее по носу и, бросив взгляд на экран телефона, киваю в сторону кабинета.
– Беги уже на урок, милая. А как закончишь, и папа подъедет, мы к бабушке Гале в гости отправимся.

Свекровь встречает нас собранная, словно впереди ее ждет светский раут, а не еженедельный обед с сыном и его семьей. Светлые волосы гладко зачесаны и заколоты в строгий пучок. На губах яркая помада. Блуза глубокого изумрудного цвета застегнута на все пуговички до единой, манжеты и стойка украшены воланами. Темно-серые легкие брюки прямого кроя слегка заужены книзу. На ногах неизменные

лодочки. На руках перстни, часы и браслет из янтаря.

Я против нее в свободно сидящих на фигуре джинсах и черной водолазке-лапше, как гадкий утенок против лебедя. Но меня это нисколько не смущает. Хватает того, что я на работе постоянно ношу строгие костюмы. В выходные хочется чего-то определенно неофициального.

– Молодцы, что приехали. Я как раз лазанью приготовила.

Мать Михал Михалыча шире распахивает дверь и отступает в сторону, делая приглашающий жест рукой.

По мере того, как мы проходим в дом, она тепло приветствует любимую внучку, подставляет сыну щеку для поцелуя и, улыбнувшись, обнимает меня.

Галине Максимовне недавно исполнилось семьдесят. Но невысокая, стройная и неизменно контролирующая правильную осанку и идеальные манеры, она выглядит лет на пять, а то и все десять, моложе.

– Девочки, вы же мне поможете накрыть на стол? – задает она нам с Дашкой риторический вопрос, когда мы разуваемся и скидываем верхнюю одежду.

Переглянувшись с дочкой, одновременно дружно киваем.

– Конечно, Галина Максимовна.

– Без проблем, бабушка.

Дальше следует привычный ритуал. Накрыть на стол, сесть за стол, отобедать, пообщаться за чашкой чая или кофе. Кто что больше предпочитает.

– Наташа, если нужна будет помощь с Дарьей, любая, не

стесняйся. Звони мне, я подстрахую, – обращается ко мне свекровь, когда Михал Михалыч будто между делом сообщает ей, что ложится на обследование.

Не знаю, как муж и свекровь оба так хорошо держатся, мне вот уверенности после слов о клинике не хватает.

– Спасибо, Галина Максимовна, – пошире тяну губы, чтобы никто не заметил, как они слегка дрожат. – Буду иметь ввиду.

– А на выходные я вообще предлагаю забрать ее к себе с ночевкой, – идет она ва-банк. И переводит взгляд на внучку. – Дашут, ты как, солнце моё, на это смотришь? Прогуляемся по магазинам, что-нибудь вкусненькое приготовим, а после мультики посмотрим.

– Я за, бабушка!

Непоседа едва не подпрыгивает на стуле и соглашается без уговоров.

А вот я влезаю.

– А как же кружки? Пропускать нельзя.

– Ничего страшного, Наташа. Мы разберемся.

Секунду или две зависаю на улыбке свекрови, после чего смотрю на мужа. Жду его реакции. Михал Михалыч улыбается глазами и наклоняется ко мне поближе.

– Думаю, это неплохая идея, Нат, – убеждает он меня, переплетая наши пальцы. – Пусть внучка с бабушкой побудет, а ты спокойно выступишься и отдохнешь.

Хочется возразить. Сказать, что с Дашкой я и высыпаюсь,

и не устаю, а в одиночку наоборот буду голову ерундой забивать и лишь сильнее себя накручивать. Но протесты так и остаются в моих мыслях, не слетая с языка.

Миша прав. Галина Максимовна не так часто предлагает Дашке у себя переночевать, и отговаривать ребенка от общества бабушки только потому, что без нее будет некомфортно лично мне – по меньшей мере некрасиво.

– Хорошо. Тогда в пятницу созвонимся и решим, как быть.

Киваю свекрови, дергая уголки губ вверх. И получаю от нее аналогичную мимику.

Сказать, что мы с ней с первого дня нашли общий язык, будет в корне неверно.

Не нашли.

Ни с первого. Ни со второго. И даже ни с десятого.

Мне потребовался почти год, чтобы сидящая сейчас напротив меня женщина перестала видеть во мне охотницу за деньгами сына. Ту, кто лишь притворяется скромницей, а на самом деле профессионально пудрит окружающим мозги.

Когда же случился переломный момент, и Галина Максимовна растаяла, насколько такая женщина, как она, может таять, и признала свою ошибку... уже я не смогла принять ее до конца.

Как в стихотворении Финина «Зима прошла, а холодок остался». Вот и у меня тот самый холодок остался. Нет, мы уже давно не ругаемся, отлично общаемся и даже искренне

друг другу улыбаемся, но внутренний барьер во мне сохранился.

Глава 4

Наталья

В понедельник Михал Михалыч ложится в больницу. Закинув Дашку в сад, едем туда вместе. Провожать себя в здание муж не разрешает. На парковке вынимает из багажника небольшую спортивную сумку и, перехватив ее в одну руку, другой ненадолго прижимает меня к себе и целует в губы.

– Ну всё, Наташенька, я пошел.

Голос звучит бодро. На губах играет легкая улыбка. Он отступает от меня на шаг. Руки, что цеплялись пальцами друг за друга, натягиваются.

Давлю в себе не желание, глубинную потребность рвануть вперед и снова прижаться к самой надежной груди на свете, той, что многие годы неизменно закрывала меня от всех и бед и невзгод, обнять и никуда не отпускать.

– Миш, ты же ко мне... к нам вернешься?

Шелест срывается с губ. Взгляд мечется по узкому мужскому лицу, гладковыбритому, с впалыми щеками и снова бледной кожей. Цепляется за одну серо-зеленую радужку, за другую. Самостоятельно ищет ответы.

– Ну конечно вернусь, милая, – Михал Михалыч весело подмигивает и первым разрывает касание рук. – А теперь не стой, времени уже много. Езжай на работу. Только аккурат-

но. Договорились?

– Договорились. Сделаю всё в лучшем виде, – отвечаю улыбкой на улыбку. Не хочу, чтобы последнее, что муж видел, это мою грустную морщинку. – Позвонишь мне, как... как у тебя получится?

– Обязательно позвоню.

Утреннее движение, когда сижу за рулем, а не пассажирском кресле, воспринимается совсем иначе.

Спешка, попытки схитрить и проскочить первым, практически подрезая, иногда агрессия, иногда такое близкое соседство, что кажется между транспортными средствами и десяти сантиметрами не остается – до здания офиса добираюсь, чувствуя, как шелковая блузка неприятно липнет к спине, но при этом испытывая ни с чем несравнимую гордость. Будто не просто доехала, а сложный экзамен на пятерку сдала.

Заняв свободное место на парковке, на секундочку прикрываю глаза и протяжно выдыхаю. Потом их распахиваю и, убедившись, что до меня никому нет дела, вытираю влажные ладони, проводя ими по бедрам, обтянутым темно-серым плотным трикотажем.

Неисправимая трусиха. Была и, пожалуй, всегда буду.

Взгляд цепляется за часы на панели. До начала рабочего дня десять минут. Нужно спешить. Бросаю взгляд в зеркало заднего вида, проверяю, что с макияжем всё в порядке, и, подхватив с соседнего сиденья сумку, выбираюсь на улицу.

Короткая прогулка вдоль здания. Просторное фойе встре-

чает легким гулом голосов и потоком теплого воздуха. Чтобы хоть немного стало не так жарко, расстегиваю пальто и прохожу через пропускной пункт к лифтам. Возле них собралась небольшая очередь из пяти человек. Пристраиваюсь сбоку.

– Наташа, привет!

Поворачиваю голову.

– О, привет, Дина, – здороваюсь с девушкой примерно моего возраста, работающей в соседнем отделе.

– Как выходные? Быстро пролетели? Успела отдохнуть?

Вопросы сыплются на меня один за другим.

Расслабляюсь. Привычная обстановка.

– Сложно ответить. Кажется, пятница была только вчера.

– Вот и у меня схожее чувство.

Негромко переговариваясь обо всем понемногу, вместе с другими служащими заходим в лифт.

Дина нажимает цифру нужного нам этажа и, придвинувшись чуть ближе, чтобы не мешать разговорами остальным, веселой птичкой щебечет, что вчера весь день провела на выставке кактусов и суккулентов и, поддавшись эмоциям, купила себе «смешную колючку».

Слушая ее, не сдерживаю улыбки и не сразу реагирую, когда левую щеку и ухо начинает всё больше припекать.

В какой-то момент становится просто невыносимо. Провожу по ней ладонью и поворачиваю голову, чтобы убедиться, что мне это просто кажется. Никто на меня специально

не паясится. Нет причины. Но понимаю, что неправа, напавшая на пристальный взгляд Данилевича.

Андрей стоит в другом краю металлической коробки. Белая рубашка, под черным коротким пальто серый пиджак и брюки. Нас разделяют около четырех человек, но благодаря высокому росту, он прекрасно меня видит.

Откуда он тут?

Мелькает заполошенная мысль.

Дина, сама того не ведая, дает на нее ответ.

– О, это наш новый начальник юридической службы, – заговорщический шепот через ухо проникает в сознание и там постепенно оседает. – Скажи, красавчик? Девчонки у нас в отделе в пятницу про него все уши прожужжали.

Снова повернув голову, наталкиваюсь на серьезный взгляд голубых глаз. Не серых, не зеленоватых. Ярко-голубых. Гипнотизирующих. Взгляд, который в одно мгновение умудряется проникнуть мне под кожу, вывернуть душу наизнанку и коснуться меня истинной. Той, которую я много лет прячу даже от себя самой...

– Да, красавчик, – признаю, едва двигая губами.

Тщательно выбритое лицо. Квадратный подбородок. Высокие скулы. Короткие, немного выующиеся светло-русые волосы. Ресницы и брови на несколько тонов темнее. И четко обрисованные губы, где нижняя чуть полнее верхней.

Мне даже не надо особо разглядывать внешность, чтобы перечислить детали. Я помню их наизусть и, будь художни-

ком, легко, по памяти, нарисовала их все. Хотя... морщинки во внешних уголках глаз раньше так явно не выражались. В остальном же Андрей практически не изменился.

Те самые метр девяносто. Широкие плечи и узкие бедра атлета, которые не может скрыть даже одежда. И каждый его жест, каждое движение и даже взгляд дышат такой внутренней силой и уверенностью, что рядом с ним я чувствую себя словно под микроскопом.

А он смотрит на меня. Изучает. Узнает.

И совершенно не скрывает интереса.

К счастью, длится это не так бесконечно долго, как мне кажется.

Секунды две-три, и лифт, издав привычное пиликанье, наконец, останавливается на нужном мне этаже. Двери плавно разъезжаются в стороны, и я вслед за Диной по узкому проходу, что образуют другие служащие, придвинувшиеся к металлическим стенкам, покидаю кабину.

– Ты сказала, он – начальник юридической службы? – переспрашиваю у девушки, когда мы плечом к плечу движемся в левое крыло, где расположены наши отделы.

Сослуживица бросает на меня хитрый веселый взгляд и, коротко хихикнув, интересуется:

– Тоже понравился? – ответа не ждет, будто сама прекрасно его знает, и наклонившись ближе, так как нам то и дело попадаются навстречу другие сотрудники, шепчет. – Да. У нашей заведомо невестка в отделе кадров трудится. Вот

она нам в пятницу на обеде и рассказала, что Андрей Викторович приказом генерального назначен главным юристом компании.

– Вместо Грицкевича?

Называю всем известную в управлении фамилию.

– Верно. И что удивительно, без всякого испытательного срока и даже не на должность и.о.

Дина играет бровями. И я отлично понимаю почему.

Такая резкая перетасовка кадров, да еще у топ-менеджеров, – единичный случай.

– Лихо, однако.

– Ага. Мы тоже офигели, когда слышали, – следует довольное, – но стоило увидеть этого красавчика воочию, и мысли отчего, как и почему у всех стало гораздо меньше.

Ну естественно.

Молодой, красивый, богатый.

Не к чему придраться.

Заставляю себя растянуть губы в улыбке и кивнуть, мол, полностью вас понимаю, но осознание, что Данилевич уже с пятницы трудится в одной со мной компании, буквально оглушает и дезориентирует.

Как так получилось?

Что за очередные несмешные шутки фортуны?

В совпадение верится с большим трудом. Но в то, что Данилевич устроился сюда намеренно, из-за меня, не верится абсолютно. Этого просто не может быть.

И в последнем я не ошибаюсь.

Глава 5

Наталья

Первые два с половиной часа рабочего времени пролетают в штатном режиме. Погрузившись в отчеты, проверяю сброшенные из филиалов данные и планомерно вношу их в новую программу для формирования сводки. Ничто не предвещает перемен...

Но тут вдруг дверь в наш кабинет на десять человек шумно распахивается, и внутрь влетает заместитель руководителя экономической службы, а заодно моя непосредственная начальница, впрочем, как и начальница остальных восьми служащих, занимающих соседние столы.

Сказать, что шеф не в духе – ничего не сказать. Губы, намазанные красной помадой, поджаты, подведенные карандашом глаза сверкают, пальцы с идеальным маникюром стиснуты в кулаки.

Елена Борисовна Шагай, прижимая к высокой пышной груди несколько папок, на повышенной крейсерской скорости насквозь пересекает всё наше немаленькое помещение по направлению к единственному закутку – своему отсеку, отгороженному от остальной площади матовой стеклянной перегородкой, но, прежде чем нырнуть в него, оборачивается в мою сторону и громко командует:

– Наташа, зайди ко мне, срочно!

Не дожидаясь согласия, рывком дергает на себя серую пластиковую дверь и исчезает внутри. А через секунду до слуха доносятся не только шорох бумаг и хлопки дверец шкафа, но еще и тихое не совсем приличное бормотание, совершенно несвойственное обычно сдержанной в выражениях начальницы.

Переглянувшись с остальными коллегами, дергаю плечом – а что? Сама удивлена не меньше их, а то и больше, – на всякий случай прихватываю ручку и блокнот и поднимаюсь с компьютерного кресла.

Пока иду на ковер, проматываю в голове варианты, в чем, когда и по какой причине могла накосячить. Но ничего подозрительного на ум не приходит. А раз так, решаю не переживать раньше времени и сначала выслушать то, что мне хотят сказать.

– Я тут, Елена Борисовна. Слушаю вас, – произношу ровно, едва переступая порог.

И сходу получаю новое распоряжение.

– Закрой дверь, пожалуйста.

Закрываю.

А когда поворачиваюсь, Шагай, стоящая возле раскрытого шкафа, предлагает мне присесть и, едва я подчиняюсь, выкладывает, что юридическая служба на планерке срочно потребовала оригинал договора со всеми приложениями и допсоглашениями, подписанными с одним из наших крупных заказчиков.

– Этим занималась Татарина, – Елена Борисовна называет фамилию руководителя экономической службы, – но уйдя три недели назад в отпуск, передала всё мне. А я, по ходу, последнее допсоглашение с новыми повышенными тарифами где-то потеряла. Есть лишь электронная версия, и та без подписи в ЭДО. Понимаешь, что это значит?

Что тарифы мы подняли, а соглашение по ним отсутствует.

И если это станет известно, а заказчик взбрыкнет, полетят головы.

– А если Татарину набрать? Может, у нее где-то документ затерялся? – накидываю вариант. Ну а вдруг. Всякое же бывает.

– Нет, Наташа, ничего нет, – Шагай пожимает губы и мотает головой. – Уже спрашивала.

– И что тогда делать?

Вопрос вполне уместен. Раз позвали, то явно чего-то успели надумать и явно решили задействовать меня.

Так и получается.

– Поезжай в «Нортон». Татарина сейчас по своим каналам постарается кое с кем договориться, чтобы нам еще раз последнее приложение подписали. Как оно будет готово, тебе сразу передадут. Заберешь его и бегом назад. А я пока тут постараюсь потянуть время с нашими юристами.

Киваю и иду одеваться.

Мысленно особо не удивляюсь, почему именно меня на-

прягли. Остальные сотрудницы нашего отдела все поголовно старше. Пусть не пенсия, но и прилично за сорок с длинным хвостиком. А тут молодая да шустрая. И пилить в Тьмутаракань.

– Хорошо, что на машине, – добавляю себе под нос, уже заходя в лифт. – Ехать в пригород и еще неизвестно сколько по времени там ждать.

Ждать приходится более полутора часов. Что хорошо – сидя в теплой и удобной машине, что плохо – не имея возможности куда-то отъехать и купить тот же пирожок или булочку с чаем, так как в любую минуту документ могут вынести к проходной. Еще почти час я трачу на то, чтобы вернуться. И не менее пятнадцати минут, чтобы найти свободное место на битком забитой парковке. Мое оказывается уже занято.

– Елена Борисовна, я внизу, – докладываю о прибытии, едва Шагай берет трубку.

Она сама просила ее предупредить, как только я вернусь. Вот и выполняю.

Набросив ремешок сумки на плечо, подхватываю черную пластиковую папку с единственным документом, вызвавшим много шума, и покидаю авто. Блокирую сигналкой двери и побыстрее переставляю ноги в сторону входа в здание. Погода портится, начинает накрапывать мелкий, противный дождь.

– Отлично! Молодец, – выслушиваю похвалу в свой адрес

и едва не сбиваюсь с шага от продолжения. – Сейчас поднимайся прямиком наверх. На восьмой этаж. Я тебя тут встречу.

Восьмой этаж – это территория топ-менеджеров и самых приближенных к руководству служб. В том числе юридической. Там я за два с половиной года, что успела проработать в компании, была не больше десятка раз. Относила документы Татариновой и кое-что в приемную.

И сейчас меня охватывает неконтролируемая дрожь не от того, что вновь окажусь в святой святых компании – потому что раньше я к этому относилась ровно, а потому, что в любой момент времени могу встретиться там с Данилевичем.

– Да, конечно, Елена Борисовна. Я скоро буду, – между тем мой язык всё отвечает правильно.

подавляя волнение и заставляя ноги шагать уверенно и не подгибаться, минуя пропускной пункт и почти без остановки вхожу в лифт. Тот, как будто специально меня ждал, раскрывает створки, едва я жму на кнопку.

Второй этаж... третий... четвертый...

Каждые несколько секунд на табло загорается новая цифра, и в какой-то момент я не выдерживаю. Прикрываю глаза ресницами и замираю, ощущая, как учащается пульс и неприятным гулом отдается в ушах. Мелодичное: «Дзинь» и последующий шорох заставляют их резко распахнуть.

Несколько раз моргаю, выдыхаю, вытягивая губы трубочкой, и вышагиваю с просторный коридор. Оглядываюсь по

сторонам.

Черный, под мрамор, литой пол, светлые, обшитые декоративными панелями стены, яркие пятна картин, сложный свет. Отмечаю это мимоходом... Сердце тарабанит, как ненормальное, грозясь либо выскочить из груди, либо рвануть вниз и сбегать в пятки, и не сразу понимает, что зря так напрягается.

Никакой опасности в зоне видимости нет.

Есть лишь Шагай, беседующая с Эсиповым, заместителем начальника юридической службы, и всё.

Никакого Данилевича. Вообще больше никого.

Зря боялась. Мысленно потешаюсь над собой, внешне никак не выдавая эмоций. И, подчиняясь жесту Елены Борисовны, приближаюсь к ней.

Протягиваю папку. Здравуюсь с юристом.

– Всё тут, – отвечаю на вопрошающий взгляд обоих.

Дожидаюсь, когда у меня заберут пластик, и уже практически намереваюсь развернуться и проследовать на свой этаж, на собственное рабочее место, но меня не отпускают.

Вместо слов, что могу быть свободна, до слуха доносится совсем иное.

– Наталья Ивановна, пройдемте с нами.

Это говорит Эсипов. Он же указывает нам с Еленой Борисовной направление в сторону своего кабинета, и первым возглавляет шествие.

Мое недоумение, зачем я им понадобилась, совсем скоро

удовлетворяют. Начальство просто хочет уточнить, как всё прошло, и задает несколько наводящих вопросов. Получает ответы – скрывать мне нечего. И вот теперь уже отпускает.

– Спасибо, Наталья Ивановна. Вы можете быть свободны. Задерживаться не собираюсь.

Попрощавшись с Эсиповым, покидаю кабинет. Направляюсь к лифту и отмечаю, что теперь в коридоре снуют люди, там и тут слышны разговоры и даже чей-то мелодичный женский смех.

Чей именно – понимаю, повернув за угол.

Возле лифта стоит симпатичная брюнетка в брючном костюме насыщенного вишневого цвета, если не ошибаюсь, дочка генерального. А рядом с ней Андрей. Точнее, Андрей Викторович Данилевич.

Я точно на стену налетаю.

Парочка мило общается, не глядя по сторонам. По улыбкам и незначительному расстоянию между ними, догадываюсь, что они знакомы точно не с пятницы, а многим дольше. Или хорошие друзья, или кто-то ближе.

От предположения последнего внутри что-то больно держится и колет. Хотя не должно ведь. Столько лет прошло. Четверть жизни почти...

Закусываю губу и уже собираюсь развернуться и пойти к лестнице. Ехать с ними в одной небольшой металлической коробке желания нет.

Но планы летят в топку.

Данилевич, точно чувствует мой взгляд, резко вскидывает и поворачивает голову.

Глаза в глаза. Не сговариваясь, замираем.

Секунда. Вторая... пятая?..

Сумасшествие какое-то!

Резко втягиваю в себя воздух и одновременно делаю шаг вперед. Не буду я ни от кого бегать. Лишнее это.

Да и лифт как раз приехал.

Глава 6

Наталья

Остаток рабочего дня пролетает, не откладываясь в память. Что-то делаю, с кем-то общаюсь, отвечаю на звонки. И одна из первых покидаю кабинет и здание компании, едва электронные часы в нижнем правом углу монитора показывают восемнадцать ноль-ноль.

Дашка уже ждет. Увидев меня в дверях группы – сегодня они не гуляют, слякотно, – расплывается в счастливой улыбке и моментально подскакивает на ноги, забывая про паззлы, которые собирала вместе с подружкой, сидя за столом.

Заверяю ее, что никуда не спешу и дожусь, когда она спокойно всё за собой приберет и со всеми распрощается.

– Я быстро, мама.

В этом не сомневаюсь. Киваю и с удовольствием включаюсь в беседу с воспитателем, подошедшим рассказать мне, как прошел этот день, и чем они занимались.

Внимательно слушая, отмечаю, что в группе кроме моей девочки, осталось лишь пятеро детей. Неудивительно. За половину седьмого уже перевалило. Других разобрали раньше.

Домой с Дашкой едем, строя планы на вечер.

– Мам, а мы папе с тобой позвоним?

– Да, обязательно. Он же нас ждет.

– А можно, ты мне сладких булочек на ужин нажаришь?

– Ты про гренки?

– Ага.

– Конечно, можно. Только чур с молоком, Дашут. Дого-
ворились?

– Хорошо, буду с молоком, – тяжкий вздох и хитренькое.

– А потом ты со мной мультики посмотришь?

– Посмотрю, – не сдерживаю улыбки. – Уже решила, что
именно хочешь?

– Не-а. У меня в голове два разных. Пока думаю.

– Понятно. Ну, как надумаешь, скажи.

– Обязательно.

Дома на время разбредаемся по своим комнатам, чтобы
переодеться. Заодно я смываю макияж – тушь, помаду и пуд-
ру, пусть лицо дышит.

С Дашкой встречаемся уже в гостиной. Телефон у меня
в руках.

– Ну что, солнце моё, звоним папе?

– Да, мамочка, я готова.

Михал Михалыч отвечает после второго гудка. Общаем-
ся втроем на громкой связи. Но недолго. Процедуры. Муж
заверяет, что у него все хорошо, всего хватает и ничего при-
возить и передавать не нужно. А еще напоминает, что он нас
обоих сильно любит и скучает.

– Мы тебя тоже, очень-очень, – заверяем с Дашкой в один
голос, после чего вместе смеемся.

Дальше ужин. Обещанные гренки. Готовятся они быстро.

Как и быстро исчезают с тарелки.

– Дочь, ты помнишь, что мне обещала? – киваю на полный стакан молока.

– Угу, помню.

Дашуня смешно морщит нос, но опустошает всё до днышка. Улыбаюсь и, чтобы ее поддержать, делаю то же самое со своим стаканом.

Пока я занимаюсь уборкой и привожу кухню в порядок, моя самостоятельная девочка уносится в комнату выбирать мультфильм. Уже планирую к ней присоединиться, но тут оживает мой телефон, отложенный, чтобы не мешал, на подоконник.

Абонент «Мама».

Принимаю вызов.

– Как у вас дела, дочь? – интересуется она после короткого приветствия. – Что новенького? Или всё по старенькому?

– Всего хватает. А из новенького...

Рассказываю про Михал Михалыча в больнице и про то, как в субботу были в гостях у свекрови. Про Данилевича не упоминаю. Про него пока не могу. Самой бы сначала осознать, что он снова рядом. Где-то рядом, но не со мной.

– Лучше скажи, как там Гришка, мам? – меняю тему. – Звонил тебе в выходные?

– Звонил, да. После обеда.

– И как он? Что говорит?

– Говорит, всё «норм», – мама один в один повторяет лю-

бимое словечко братишки. Только если в исполнении девятнадцатилетнего парня оно звучит привычно и даже правильно, то из уст мамы всё же смешно.

Улыбаюсь.

– Значит, как обычно? Кормят досыта, мучают несильно, настрой боевой? – перечисляю то, о чем братик, ушедший осенью в армию, докладывает стабильно.

– Именно так, дочь, – хмыкает мама. – В следующее воскресенье он тебе наберет. Сама послушаешь.

– Обязательно.

Поговорив еще немного, прощаемся. До десяти вечера валяемся с Дашкой перед телевизором, смотрим «Снежную королеву». После укладываю ее спать и ухожу к себе.

Выключаю верхний свет, оставляя только ночник, и, раздевшись, заваливаюсь в кровать. Открываю книжный сайт, чтобы почитать. Но, когда в третий раз пробегаю глазами одни и те же строчки, а суть так и не улавливаю, понимаю: бесполезно.

Сколько не задвигай воспоминания, что упорно рвутся наружу, они всё равно возьмут своё. Тем более сейчас, когда сдерживающий фактор в лице мужа, находится далеко и не может меня обнять и сказать, что всё будет хорошо.

Потому отпускаю себя и вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю...

Мне восемнадцать. День удивительно солнечный и теплый. Термометр за окном показывает плюс двадцать два,

что для первого сентября в нашем городе совершенно нетипичное явление. Обычно дождь и ветер, и максимум плюс десять градусов. А тут лето летнее.

Чудеса?

Они самые!

На мне изумрудного цвета шифоновая блузка, ворот завязан на красивый бант. На ногах светло-коричневые зауженные книзу брючки и удобные балетки. В руках рюкзак им в цвет, а на губах улыбка. Широкая, открытая и счастливая до невозможности.

Еще бы мне не улыбаться. Я поступила в вуз на экономическое отделение. Туда, куда всегда мечтала. Сама. Без чьей-либо помощи. На бюджет.

Папа бы мной гордился. Жаль, что не может. Он погиб два года назад. Нарушил технику безопасности, как установило следствие. Его на стройке придавило плитой.

Но зато мной гордятся мама и младший братишка. Сильно.

Гришка даже порывался вместо своей линейки в школе пойти на мою в универ. Еле с мамой его отговорили. Нельзя ему учебу пропускать. У него, как и у меня, сегодня новый этап в жизни начинается – пятый класс, другие учителя, новые одноклассники.

Мы, первокурсники, стоим на стадионе. У нас не линейка. У нас организационное собрание. С трибуны выступает ректор с поздравлением и напутственной речью. Следом-

представители администрации и деканы факультетов рассказывают о достижениях вуза, правилах и уставе учебного заведения, его традициях и обычаях, учебном распорядке.

Что-то я стараюсь запомнить, что-то, да нет, большая часть пролетает мимо ушей. Волнение, пусть и глубоко зажатое внутри, никак не отпускает.

«Интересно, у меня появятся здесь друзья?» – задаюсь мыслью, стараясь незаметно разглядеть других присутствующих на мероприятии студентов.

– Смотри-смотри, вон они идут. Ой, мамочки, какой же он шикарный. Отпад просто! Всё, лапочки мои, я влюбилась! – доносится девичий возбужденный шепот слева.

Скашиваю глаза. Три девочки. Подружки, судя по всему. Высокие, фигуристые. Искусный макияж делает их лица практически идеальными. В дорогой одежде и обуви. Про аксессуары вообще молчу.

– Какой из них, Милаш? Там все четверо – красавчики, – интересуется у первой, блондинки, стоящая слева брюнетка.

Прослеживаю направление взглядов девчонок и тоже смотрю на объект их пристального интереса.

А что? Интересно же! Вдруг мы с этой троицей в одной группе учиться будем. А тут я уже про них хоть что-то знаю.

– Ну как какой? – фыркает первая. – Естественно тот, кто по центру. Брюнет с тату на шее. Макс. Младший сын

ректора.

— Хм, ну не знаю. Мне большие парниша с белой крашеной челкой и пирсингом в брови приглянулся. Смотри, как двигается, будто хищник на охоту вышел.

— Пф-ф-ф... неудивительно, что именно этот тебя привлек, — подключается к разговору третья девушка с яркими рыжими прядками во вьющихся спиральках волосах. — Тебя, Тин, всегда на плохишей тянет. А мне, например, самый высокий приглянулся. У него глаза умные и фигура атлета. А руки? Такой как обнимет, как прижмет... ум-м-м... сама первая из трусиков выпрыгнешь!

Девчонки еще что-то обсуждают, то и дело хихикая, я же глаз отвести не могу. От того высокого парня, что рыженькой приглянулся.

Он и мне кажется самым красивым из всех. Не только из-за фигуры, хотя она бесспорно хороша, как и глаза, как и весь он. Но и потому, что он особенный.

От старшекурсника веет какой-то невероятной внутренней силой, энергетикой уверенного в себе человека. А еще он в отличие от своих друзей не лыбится налево и направо, а смотрит прямо, в глаза, серьезно. И этим невероятно цепляет.

Впервые я ощущаю себя настолько девушкой, что залипаю на парня и примеряю на себя озвученную рыжей ситуацию. А я бы выпрыгнула из трусиков, если б этот русоволосый гигант меня к себе прижал?

Глава 7

Наталья

Открываю глаза, которые сама для себя незаметно успела закрыть, глубоко погрузившись в прошлое, протяжно вздыхаю и сентиментально усмехаюсь, тараща в потолок.

А я бы выпрыгнула из трусиков, если б этот русоволосый гигант меня к себе прижал?

Ответ на этот сильно взволновавший меня девять лет назад вопрос я получила только спустя долгих пять месяцев. В начале февраля.

И он был стопроцентно отрицательным.

Из трусиков я не то что не выпрыгнула, когда русоволосый гигант прижал меня к себе. Более того, я разозлилась. Сильно. И повела себя так, как точно не ожидал от меня он. Да и я сама, если быть откровенной, тоже от себя не ожидала.

Сначала с воплем «Совсем охамел, бесстыжий?!» я зарядила хлесткой пощечиной по его холеной щеке, а потом, продолжая кипеть переполняющим меня негодованием, выплеснула ему на голову ведро с холодной водой, которой намеревалась мыть пол.

Почему я в тот день мыла пол в универе?

Да потому что меня заставила Парамонова, преподавательница бухгалтерского учета. Еще та стерва!

Эта зануда еще перед занятием заметила, что я, проходя

к своему месту в аудитории мимо ее стола, случайно наступила на кусок мела и его раздавила. И нет бы, сказать, что грязной подошвой я пачкаю паркет... куда там. Вредная тетка дождалась конца лекции и, обозвав меня «спящей принцессой», спасибо, что не «сонной курицей», заставила за собой всё убрать.

Вот я и убирала, никого не трогала, а тут... неожиданно-негаданно со спины подвалил какой-то беспредельщик с заgreбушими руками и стал лапать то, что лапать нельзя...

А мне при этом вспомнилось, как старшие девчонки накануне в туалете хихикали и обсуждали каких-то идиотов, пристающих к девчонкам-первокурсницам и снимающих их на видео, чтобы после слить компромат в общий чат ...

Ну и звезды сошлись...

Разозленная до состояния кипящей пароварки на Парамонову и заодно идиота-смертника, принявшего меня за куклу, над которой не грех поиздеваться, я даже особо ему в лицо смотреть не стала. Просто взяла и выплеснула весь спектр ярких эмоций, что меня в тот момент переполняли. А заодно и воду вылила, чтобы буйную голову остудить.

Данилевич же (я, только опуская пустое ведро на пол, поняла, с кем имею дело) мало того, что не разозлился на мою выходку, хотя вполне мог, он же, в отличие от меня, местная звезда и явно избалованный. Все девчонки с первого по последний курс по их с сыночком ректора компашке сохли и страдали. Наоборот, этот странный неулыбчивый тип вос-

пылал интересом.

Интересом странным и нелогичным.

Ко мне. К студентке-желторотику, как первый год величали нас все старшекурсники.

Сначала неявным. Удивляющим, наверное, даже его самого. Тогда он стал чаще появляться в поле моего зрения и пытаться мою выдержку тяжелыми и непонятными долгими взглядами.

А позже, две недели спустя, словно на что-то решился, подошел познакомиться.

Но получил жесткий от ворот поворот.

Уж слишком его взгляды меня достали, да и не поверила я в его интерес. Кто он и кто я? Небо и земля. А быть очередной галочкой в списке побед мажора – да вот уж фиг!.. Мне подобной чести совсем не хотелось!

И это снова его не оттолкнуло, а будто дало толчок окончательно определиться в своих желаниях. Ну он и определился. Взял и буквально похитил меня из университета.

Засунул в машину и увез к озеру на окраине города. Туда, где народ летом круглосуточно тусуется – купается и загорают, а с поздней осени до весны почти никого нет. Вместо трубки мира он вручил мне стаканчик с двойным латте и маффин с изюмом, и следом предложил нормально познакомиться и поговорить.

Поговорить я согласилась.

Почему бы не высказать всё, что я о наглецах, распуска-

ющих руки и похищающих молодых девчонок, думаю, особенно когда они сами бесплатные уши предлагают?!

Тогда-то и выяснилось, что никакого отношения Андрей к идиотам, пристающим к девчонкам и снимающим их на телефоны, не имеет. В аудиторию к Парамоновой пришел по делу. Она – его двоюродная тетка, и ему нужно было передать ей документы по просьбе отца. А ко мне прикоснулся потому, что в тот момент я споткнулась, и он, как нормальный мужик, просто не позволил девушке упасть. А уж как поймал, так поймал. Лично он ни о чем не жалеет...

В тот день мы проболтали с ним, пока на улице не стало темнеть. Удивительно, но слова с губ слетали легко, и темы для разговора будто сами собой находились. И даже молчали мы с Данилевичем, глядя на покрытую льдом гладь озера, без напряжения, а как-то уютно и правильно.

А потом Андрей отвез меня домой. Но, прежде чем разблокировать дверь машины, он настоял дать ему мой номер телефона.

А вечером прислал первое сообщение:

«Таша, утром не убегай. Я за тобой заеду»

Неясный глухой звук где-то в глубине квартиры выдергивает из воспоминаний.

Моргаю и веду головой, разминая шею. Часы на стене показывают без пятнадцати полночь. Сна нет ни в одном глазу.

Не удивляюсь. Привычно.

Я и раньше имела проблемы со сном. Серьезные. Могла по двое, а то и трое суток не спать. Хотела, пыталась, страдала от того, что глаза режет до боли, до слёз, но не могла. Никак. Особенно в первое время, когда в спешном порядке вместе с семьей покинула родной город и переехала в город-миллионник.

Большой, чужой, шумный и страшный.

Мама даже к психологу меня отправляла. Денег было в обрез, но она не жалела, давала. «Наташенька, миленькая, так нельзя. Иди, а вдруг помогут...», – слезы мамы до сих пор отдаются болью в сердце.

И ведь я не хотела ее тревожить, скрывала, как могла. Только мама – это же мама. Самый близкий человек.

Разве от любящего сердца скроешь, когда тебе плохо? Спрячешь боль, когда тебе так одиноко и тошно, что жить не хочется?

Нет.

Тогда я думала, что да. Справляюсь.

Сейчас понимаю: нет. Она видела и чувствовала всё. И сердце у нее болело вдвойне сильнее. За сына, который мог остаться инвалидом на всю жизнь, и за дочь, которая из самой счастливой девушки на свете за сутки превратилась в тень самой себя. Блеклую, апатичную и едва живую.

К психологу я тогда пошла. Не для себя. Для мамы опять же.

Мне он был не нужен. Разбираться в себе мне не требо-

валось. Копаться в недрах памяти тоже. Я и так прекрасно знала: от чего и почему меня ломает? От чего сердце кровью обливается, а совесть нашептывает, что я не могла поступить иначе.

Потому что сама виновата.

Сама определила такой путь.

Сама поставила на весы две жизни. И выбрала не себя. А родного человечка.

Сама. Всё сама.

Я сама собственными руками и языком предала любовь.

Оттолкнула. Обманула.

Я.

Никто больше.

Только я сама сломала свою жизнь, и поэтому все мои страдания заслужены. Это моя чаша боли. И мне нужно выпить ее до дна.

– Пф-ф-ф! Хватит, Ташка! Хватит! Всё в прошлом, – отрывистым шепотом разрезаю оглушающую тишину и мотаю головой.

Хватит воспоминаний.

Никому они уже не нужны. У всех у нас теперь новые жизни.

Растираю лицо ладонями и, перекатившись на край кровати, поднимаюсь. Всовываю ноги в шлёпки и иду проверить, что могло вызвать шум.

В коридоре всё нормально, в гостиной тоже всё на своих

местах. Заглядываю к Даше.

И вот тут усмехаюсь.

Ну, понятно. Перед сном маленькая хитрюшка решила немного поиграть в игру на телефоне, который папа подарил ей на Новый год. И отрубилась раньше, чем успела его хорошенько спрятать. Скорее всего, во сне повернулась и смахнула гаджет рукой на пол. Отсюда и шум, который я услышала.

Подняв мобильник, отношу его на стол и кладу так, чтобы утром дочка его непременно увидела. Ругать ее не собираюсь. Мы с Михал Михалычем решили, что ей пора постепенно привыкать к средству связи. В сентябре уже в школу, пусть умеет пользоваться. Нечего среди других детишек белой вороной быть.

Поправляю одеяло, целую Дашку в щеку и тихонько покидаю детскую. Шлепаю на кухню, включаю подсветку над плитой. Наливаю стакан теплой воды и выпиваю.

Прислушиваюсь к себе... смотрю в сторону выхода... Снова пойти лечь в кровать и ворочаться, зная, что сон бессовестно от меня сегодня сбежал? Или поступить иначе?

Хмыкаю.

Конечно, иначе.

Достаю из ящика под сидушкой углового диванчика плед, раскладываю его на подоконнике и забираюсь туда с ногами. Подтягиваю повыше колени, обнимаю их и, упираясь лбом в холодное стекло, смотрю на город. Город, который даже

НОЧЬЮ НЕ СПИТ.

Глава 8

Наталья

На пару секунд замираю перед блестящей табличкой «Данилевич А.В.», старательно соскребая всю смелость и выдержку по сусекам, после чего резко вскидываю руку и отрывисто стучу по светлому деревянному полотну.

Как говорят, перед смертью не надышишься. Вот я и не пытаюсь, как и не тяну резину, раз уж начальство к себе вызвало.

Правда, начальство не моё, что немаловажно.

Да и цель вызова неясна.

Елена Борисовна, у которой я уточнила: «Зачем я главному юристу компании понадобилась?», не скрывая недоумения, пожала плечами и выдала вполне здравую мысль:

– Не знаю, Наташ. Сама у него спроси. С документами по «Нортону» мы благополучно вопрос закрыли еще в понедельник. Да и если бы какой-то косяк по работе вылез, первым делом дернули Татаринову, как начальницу отдела, или хотя бы меня, ее зама.

Не согласиться оказалось сложно. С понедельника до сегодняшней пятницы много воды утекло. Да и не того я полета птица, чтобы меня, простого экономиста, в обход руководства по работе вызывали.

Ответ на: «Зачем?», пока ехала в лифте, напрашивался

сам собой.

Из-за интереса. Личного.

Или не интереса. А предупреждения. Но тоже личного. Например, чтобы я ничего лишнего среди сотрудников не болтала, что мы раньше друг друга с Андреем знали.

С одной стороны, кому оно интересно, если с тех пор много воды утекло? А с другой, учитывая, что я видела Андрея в компании с дочкой генерального, вполне обоснованная просьба. Ее даже понять можно.

Потому выдыхаю и даю себе мысленное напутствие всё внимательно выслушать и заверить Данилевича, что никаких проблем с моей стороны не будет, а потом быстренько распрощаться. Еще секундочку трачу, чтобы натянуть на лицо доброжелательно-нейтральное выражение, и уверенно жму на ручку. Распахиваю дверь.

– Андрей Викторович, здравствуйте. Вызывали?

Мне нравится, как звучит мой голос. Ровно, без дрожи или заискивания. Идеальный деловой тон. Прямота горжусь собой.

Данилевич покерфейс держит не хуже меня. Но вот дистанцию на «вы», не соблюдает.

– Привет, Наташа. Проходи, присаживайся, – произносит он мягче, чем хотелось бы, и делает легкий взмах рукой, указывая на стул, приставленный к его рабочему столу сбоку. – Воды или кофе хочешь?

– Нет. Спасибо.

Опускаюсь на мягкое сиденье, краем глаза отмечая, что он кивает. Кажется, в моем ответе даже не сомневался.

– Хорошо. Тогда к делу.

Андрей тянется к дальнему краю стола и подхватывает с угла верхнюю папку. Укладывает ее перед собой, но открывает не сразу. Дает мне возможность разглядеть и надпись на ней, и приколотую в верхнем правом углу небольшую фотографию.

Мою фотографию.

– Это же...

От понимания, что именно лежит перед Данилевичем, бросает в дрожь. Шокировано распахиваю глаза и рот...

– Ты правильно поняла, Наташа. Это твое личное дело, – Андрей спокойно озвучивает вслух то, что я недоговариваю.

– Но почему оно у вас?

– Потому что запросил.

– Зачем?

– Хороший вопрос, – на красивых губах появляется улыбка, но такая, что ответить на нее улыбкой совсем не тянет.

– И всё же?

– Не переживай. Я дам тебе ответ, – продолжает он размеренно, никуда не спеша, – а взамен попрошу ответить на мои вопросы.

Вопросы – это не просьба молчать, о которой я думала.

Вопросы – это сложно... очень сложно.

Господи, вот я попала!

Отвожу взгляд к окну. Не в попытке там что-то рассмотреть, нет. Просто хоть пару секунд лишних выгадать. С мыслями собраться. Но куда там... мысли разбегаются в стороны, как тараканы, никаких сил нет. А ведь только-только успокаиваться стала, ночами нормально спать...

– Хорошо, – киваю, не глядя на собеседника. – Задавайте свои вопросы.

Андрей снова не спешит. Я чувствую, как его тяжелый взгляд скользит по моему лицу, шее, вдоль ряда пуговиц на пиджаке лениво спускается вниз, к ладоням. Стараюсь максимально расслабиться, но расслабиться не получается. Не после того, как он спрашивает:

– Наташа, скажи, почему ты университет закончила лишь три года назад? А не пять, как должна была?

Я молчу. Поэтому он отвечает вместо меня.

– Наверное, потому, что брала академический отпуск. Верно?

– Андрей... – да к черту эти отчества! – послушай...

Но он не слышит. И каждое его новое слово падает мне на плечи, как кирпич. Один тяжелее другого, того и гляди придавит.

– И, наверное, я не ошибусь, сказав, что этот самый академ ты взяла сразу после того, как сбежала от меня. Так?

Дьявол!

– Отвечай!

Вспыхиваю от резкого возгласа.

– Да, так! И что? Что в этом такого?

– А то, что ты мне врешь, говоря, что Даша – это не моя дочь. Она же моя, Наташа. Признай этот факт! Сроки совпадают.

– Нет, – мотаю головой, – она – не твоя. Ты ошибаешься.

– Не верю! Я. Тебе. Не верю, – зло чеканит Андрей. Шумно выдыхает, откидываясь на спинку кресла, и тянет узел галстука, словно тот его душит. – Знаешь, тогда, перед исчезновением, ты, конечно, сумела выбить почву у меня из-под ног, рассказав, что, будучи моей девушкой, милой, нежной и искренней, ты параллельно встречалась с кем-то еще на стороне. Что полюбила того, другого по-настоящему, и ради него бросаешь меня. Но потом, успокоившись и перестав крушить всё вокруг, я стал анализировать твои слова, твое поведение и понял одну важную вещь. Знаешь какую? – я отрицательно мотаю головой, но Андрей и без этого продолжает. – Ты чисто физически не могла быть с другим, Наташа. Потому что каждую свободную минуту мы были вместе. Ты и я. Каждую Мать. Его. Свободную. Минуту. Мы строили планы. Мы любили друг друга. Я чувствовал это. Твое чувство было ничуть не меньше моего. Такое нельзя сыграть.

– Андрей...

– Нет! – он снова обрывает. – Дай я договорю!

Замолкаю. Это его право. Злиться. Ругаться. Обвинять меня.

Даже ударить, если станет легче.

Я действительно тогда растоптала его своими словами. Своими нелепыми признаниями в том, чего никогда не было и быть не могло. Какой другой парень, какая измена, если я кроме Данилевича никого из парней не видела?

Бред. Я любила Андрея безумно. Любила, больше жизни, но...

Всё равно предала, обманула... потому что в свои двадцать лет не видела иного способа выполнить поставленное передо мной четкое условие, чтобы спасти брата – разорвать нашу связь, оттолкнуть его, а после исчезнуть. Навсегда.

– Знаешь, – продолжает сидящий напротив меня мужчина, уже вновь контролируя себя. – Едва осознав, что ты меня обманула, я рванул к тебе, чтобы заставить перестать нести глупости, заставить признаться в обмане. Убедить, что ты моя. Только моя. Всегда была, есть и будешь. Как и я твой. Но ты исчезла. Исчезла бесследно и заблокировала телефон. Ваш дом оказался пуст, и соседи сказали, что вы отбыли еще сутки назад в неизвестном направлении. Не оставив ни адреса, ни номера для связи. Я искал тебя четыре долгих месяца, пока был в стране. И даже уехав за границу, просил хороших людей продолжать поиски. Но ты растворилась словно дым. А когда спустя два с половиной года всё же нашлась, оказалось, что уже счастлива замужем. Тогда я тебя отпустил, потому что ничего не знал о ребенке. Но знаю о нем теперь. Я видел девочку. Дашу. Она похожа на меня. Глаза, волосы. Даже не спорь, что это не так. И в связи с этим у меня к те-

бе есть вопросы. Скажи, зачем ты так со мной поступила? За что ненавидела так сильно? В чём я провинился семь лет назад, что ты наплела какой-то ерунды, сбежала беременная и лишила меня права быть отцом?

Глава 9

Наталья

– Четыре месяца? – цепляюсь за слова, которые будто острые зубы вгрызаются в мозг и не дают покоя.

Данилевич, сверлящий меня пытливым взглядом, на секунду даже теряется.

– Что?

– Ты сказал, что оставался в стране еще четыре месяца, – повторяю его слова. – Это так?

– Ну да. Остаток мая, июнь, июль, август и первые две недели сентября.

– Август и первые две недели сентября... ничего себе?!

Губы непроизвольно дергаются в кривоватой усмешке. Чтобы не тряслись приходится их поджать, а нижнюю и вообще закусить изнутри.

Я ведь знала, чувствовала, что будет тяжело окунаться в прошлое, в разъедающую боль и смятение тех дней. Знала, что старые раны, вскрывшись, опять начнут гноиться и смердеть. Морально к этому готовилась.

Но новые подробности не просто ранят, они опрокидывают, выбивая почву из-под ног.

Оказывается, Андрей был рядом, когда я так сильно в нем нуждалась. Когда рассыпалась на части, осознав, к каким последствиям привело моё «правильное» решение... он тоже

искал меня, не улетал.

А я поверила, тому, кто играл нами, как ониксовыми фигурами на шахматной доске. Переставлял в нужные комбинации без жалости и сожалений, холодно и продуманно, преследуя лишь личные цели для дальнейшего обогащения.

Господи, меня провели, как малолетнюю дурочку. Соврали, и я поверила. Купилась на раз-два, хотя чему удивляться?

Малолетней дурочкой я и была.

Той, кто пусть и осознавал размер цинизма богачей, но, как теперь выясняется, лишь в небольшой его части, не до конца. А ведь понять было не столь сложно, тем более я на собственной шкуре испытала, как не просто одного человека, а всю семью, включая прикованного к постели ребенка, всего за сутки из одной точки земного шара переместили в другую и не оставили при этом следов. Никаких.

А если и оставили...

– Андрей, если уж мы решили быть друг с другом открытыми, хотя ты и думаешь, что я тебя обманываю на счет Даши, скажи. Ты сам нанимал людей, которые вели мои поиски?

Данилевич отвечает не сразу. Не сводя с меня тяжелого взгляда, он подается вперед. Упирается локтями в стол и прижимается губами к сцепленным в замок пальцам. Прищуривается и на несколько секунд проваливается внутрь себя.

Я понимаю, что он сейчас делает.

Андрей правильно сказал: мы проводили друг с другом слишком много времени, каждую свободную минуту из тех пятнадцати месяцев и шести дней, что были вместе. Мы постоянно общались и узнавали друг друга, делились мыслями и планами, обсуждали что любим, чего боимся, о чем мечтаем. Мы слишком хорошо знали друг друга. Поэтому ему не потребовалось много времени, чтобы разобраться, что мои слова об измене звучат бредово. Разобраться и рвануть добиваться правды.

То, что он опоздал, – дело другое. Не удивлюсь, если ему специально помогли опоздать, сыграв ювелирно и грамотно. Так, что он этого даже не ощутил.

Мои же вопросы толкают Андрея, не просто провалиться в прошлое, а начать его анализировать с той стороны, о которой он, похоже, раньше не задумывался, начать перекраивать события по новым лекалам, откидывая в сторону старые мерки, что считались им долгое время верными и неизблевыми.

– Нет, не сам, Наташа, – произносит он вслух то, что я уже поняла раньше. – Тогда я еще был зеленым студентом без серьезных связей и личных денег, поэтому просил помочь мне отца.

Сглатываю наполнившую рот горькую слюну и, грустно усмехаясь, киваю.

– Я так и думала.

– Подожди, ты хочешь сказать, что мой отец не находил тебя все те годы специально?

Запрокидываю голову, чтобы не проронить ни одной слезы, и едва сдерживаю порыв засмеяться в голос. Громко, болезненно, может даже истерично.

А что? Теперь-то можно. Теперь-то кукловоду уже нечего мне предъявить.

Судьба сама столкнула нас с Данилевичем. Ни я его уже не искала. Ни он меня. Каждый давно живет своей собственной жизнью. Всё, как желал Виктор Егорович.

– Твой отец, Андрей, никогда меня не искал... – проговариваю тихо, но мысленно я каждое слово кричу, – потому что он никогда не терял меня из виду.

– Не терял из виду? Ты серьезно? Ты понимаешь, в чем сейчас обвиняешь человека, который прекрасно к тебе относился?

Смотрю Андрею в глаза и медленно киваю.

Раз. Второй. Третий.

О, да, Виктор Егорович относился ко мне прекрасно. Тут не поспоришь и не упрекнешь.

Он привечал меня у себя в доме. Встречал с улыбкой, жал руку, сидел со мной и с сыном за одним столом, пил чай и интересовался учёбой и планами на будущее.

Но при этом строил собственные грандиозные планы на своего единственного обожаемого отпрыска. Планы, в которые я, обычная рядовая девчонка без богатых и могуще-

ственных родственников за спиной, не вписывалась. Никак. Абсолютно.

И да, теперь я действительно обвиняю старшего Данилевича в двойной игре. В том, что именно он разлучил нас семь лет назад. Ловко и действенно сработав.

С себя вины тоже не снимаю, ведь я приняла окончательное решение исчезнуть. Я сказала: «Да! Согласна!». Но подтолкнул меня к нему именно Виктор Егорович.

– Более чем понимаю, Андрей, – произношу вслух, глядя в настороженные голубые глаза. – Скажу больше, он сам организовал мое исчезновение.

– Что?

Представляю, как ему сложно всё это слышать. Но если он сам так настойчиво рвался узнать правду, не захотев оставить прошлое в прошлом, то пусть уж знает всё.

– Меня поставили перед выбором. Либо я остаюсь в городе с тобой и тогда мой брат, если выживет, навсегда останется овощем, привязанным даже не к инвалидному креслу, а к кровати. Либо рву с тобой все связи и сваливаю туда, куда меня отвезут, зато у Гришки появляется призрачный, но шанс вернуть себе полноценную жизнь.

– О чем ты вообще говоришь, Наташа?! – хмурится Андрей. – С чего вдруг ваш Гришка мог стать овощем? Он же всегда активным подростком рос.

– Всегда. И слишком активным, ты прав, – произношу бодро, но совсем невесело. – Пока его не сбила машина. Это

случилось в тот, день, когда мы с тобой виделись в последний раз. Они возвращались с пацанами из школы и, как обычно, по дороге гоняли мяч. Кто-то неудачно отбил, мяч полетел на проезжую часть. Гришка думал, что успеет. Камаза он не заметил. А водитель не заметил его. Мой братишка не умер сразу под колесами той махины только чудом. Было раздроблено всё, что можно, плюс черепно-мозговая. Ему не давали шансов. Хотя, – закусываю губу, сильно, до боли, чтобы не заплакать. Даже сейчас, столько лет спустя, вспоминать очень больно. – Один шанс всё же давали, если переправить пациента в специализированную клинику, где есть необходимые специалисты.

– И ты, узнав всё это, не пришла ко мне? Не попросила помощи? Почему?

Усмехаюсь и качаю головой.

– Андрей. Ты был первым, к кому я рванула. Со всех ног. Ты всегда и во всем был первым у меня. С тобой я делилась всем. Больше, чем с мамой. И тогда тоже побежала к тебе. Просить совета, помощи, поддержки, объятий, тихих слов, что всё будет хорошо. Всего, чего ты для меня никогда не жалел. Но в тот раз тебя не оказалось дома. Ты уехал в университет на консультацию, трубку не брал. Зато дома был твой отец. Он меня выслушал, посочувствовал, а потом сказал, что всегда мечтал, чтобы его единственный сын учился за границей. И женился не на мне, девочке пусть хорошей, но ничего полезного не несущей в семью, а на дочери его парт-

нера по бизнесу, Марине, кажется. Я слушала его, но не понимала, к чему он всё это говорит. А он продолжал дальше, что против меня ничего не имеет и даже готов помочь, если я помогу ему.

– Поможешь чем? Бросив меня и тем самым подтолкнув уехать в другую страну и выбрать давно навязанную, но неинтересную мне девицу?

– Да.

– И ты согласилась?

Облизываю пересохшие губы, жалея, что отказалась от ранее предложенного стакана воды, и снова киваю.

– Да, Андрей. Я согласилась. Я оказалась меркантильной дрянью, выбравшей деньги для лечения моего брата.

Во взгляде Андрея столько шока и неверия, хотя он старательно пытается это скрыть, что на несколько секунд мне становится его искренне жаль.

А потом я глухо продолжаю:

– И, прежде чем ты спросишь, почему я не дождалась тебя и не попросила денег у тебя лично, отвечу. Виктор Егорович меня предупредил, что не даст ни копейки на лечение Гришки, если помощь у него попросишь ты.

– Я... я просто не понимаю... у меня нет слов... как вы так все... – Данилевич снова тянется к галстуку, только на этот раз его не ослабляет, а стаскивает вообще. Отбрасывает в сторону и, резко поднявшись из кресла, отходит в другой конец кабинета. Останавливается у окна и, упершись кула-

ками в пластиковый подоконник, склоняет голову.

Не считая его тяжелого дыхания, кабинет наполняется тишиной. Горькой, болезненной. Такой давящей, что я приоткрываю рот и стараюсь втягивать в себя воздух беззвучно, чтобы ничем ее не нарушить.

– Наташа, я ожидал от тебя откровений, но совершенно не таких, – произносит он глухо через несколько минут.

Пожимаю плечами. А что тут сказать? Я сама в свои двадцать лет не ожидала попасть под асфальтоукладчик, пусть и иносказательно.

Но кто б меня об этом спрашивал?!

Прочищаю горло и отвечаю на самый первый заданный им вопрос:

– Ты был прав, Андрей, когда посчитал, что я тебя обманула, сказав про другого парня. Никого у меня кроме тебя не было. Но ты ошибся, посчитав, что я тебя ненавидела и пыталась наказать своим исчезновением. Тогда я думала только о том, что срочная операция за границей подарит жизнь моему брату и спасет от разрыва мамино сердце. О беременности я не знала.

Глава 10

Наталья

Андрей отталкивается от подоконника и поворачивается ко мне. Тело напряжено, ладони сжаты в кулаки, светлые глаза потемнели и блестят так, будто он изо всех сил сдерживает эмоции, которые рвутся наружу, почти ломая его волю.

Почти. Потому что он сильнее.

Он не позволяет руководить им собой. Холодный контроль берёт верх.

– А когда ты...

Щелчок ручки и распахивающаяся одновременно с коротким, весьма условным стуком дверь, прерывают его на половине фразы.

– Андрюш, привет!

На пороге, широко и тепло улыбаясь, стоит уже знакомая мне брюнетка.

На этот раз на ней строгого черного цвета платье-футляр чуть ниже колена. Оно искусно подчеркивает все изгибы идеальной фигуры. А в сочетании с вишневого цвета лодочками на высокой шпильке, клатчем того же оттенка и двумя нитками крупного жемчуга, одной – на шее, другой – на запястье, делает образ девушки утонченным и почти сказочным.

Я тоже одета хорошо, но по сравнению с ней проигрываю.

Мысль почему-то доставляет неприятных ощущений к уже имеющимся. Но как она мелькает, так и исчезает, когда дочка генерального замечает меня.

– Ой, ты не один. Прости! Я не подумала, что будешь занят. Примчалась чуть пораньше, а оказывается зря, – и лично мне. – Здравствуйте! Извините, что помешала.

– Добрый день.

На ее улыбку своей ответить не получается. Я сейчас вообще не в силах транслировать позитив, но в голос теплых ноток стараюсь подкинуть. Все же эта девушка не виновата, что вмешалась в слишком сложный для меня разговор.

– И вы не помешали, не переживайте. Мы... с Андреем Викторовичем уже всё обсудили, да и рабочее время закончилось, – указываю на часы, где до семнадцати ноль-ноль остается буквально минутка.

Опираясь кончиками пальцев на стол, поднимаюсь на ноги. Перевожу взгляд на Данилевича. И когда он успел ко мне настолько приблизиться?!

Только молчи и ничего не ляпни. Наш разговор никого кроме нас не касается! Даже твоей девушки! Пожалуйста!

Транслирую ему мысленно.

Но Андрей явно мой посыл не улавливает, хотя смотрит в глаза. Или игнорирует, что еще хуже.

– Мы не закончили, Наташа, – произносит твердо.

Да что ж ты упёртый-то такой?!

– Закончили, – смотрю на него во все глаза. И чуть мягче,

чтобы он не упирался рогом, а шел навстречу, добавляю. – Мне дочку из садика забирать надо, а то постоянно в числе последних мам прихожу. Она, хоть и не показывает, но расстраивается.

Он ведет шеей. Будто снова сам с собой борется.

– А что же ваш папа? – напоминает о себе брюнетка. – Он тоже долго работает?

И нет, она не говорит это с ехидцей или подначкой, не пытается подколоть или уязвить, интересуется как-то по-доброму что ли, участливо, будто ей действительно это интересно.

Хотя с чего бы? Мы даже имен друг друга не знаем.

Смотрю на нее. И в глазах тепло вижу. Наверное, потому и открываюсь.

– Нет, он у нас в больнице сейчас лежит. Мы с дочкой одни.

– Ой, простите, надеюсь, он скоро поправится, – девушка искренне извиняется. А потом вдруг подходит ближе и протягивает руку. – Я – Карина. Карина Смолич. Подруга Андрея.

На рукопожатие отвечаю и называю себя.

– Наталья Алексеева.

После свадьбы я взяла фамилию мужа. До последнего сомневалась, желая остаться Бердниковой, но в интересах Дашки согласилась. И не жалею. С бюрократической точки зрения так действительно оказалось проще. Меньше вопросов, чем если бы наши с дочкой фамилии были разными.

– Рада знакомству, – добавляю положенное случаю, а затем прощаюсь, не обращаясь ни к кому конкретно. – До свидания. Хороших вам выходных.

И устремляюсь к выходу из кабинета.

Вслед летят аналогичные слова прощания. Спину жгут два непростых взгляда, но я иду ровно, не оборачиваясь, и тихо закрываю за собой дверь.

Не думать.

Шаг.

Не анализировать.

Шаг.

Не вспоминать.

Шаг.

Вот так, Наташка, умница! Иди!

Еще шаг. И еще.

Держать себя в руках удастся всё то время, пока забираю свою непоседу из детского сада, отвожу в ДДЮ на занятия, а после них к Галине Максимовне на все выходные.

Да, свекровь не забыла об обещании ее забрать к себе в гости с ночёвкой. Еще в четверг позвонила мне и напомнила, чтобы мы прямо с утра захватили сменные вещи. И мы захватили, все равно теперь на машине езжу, так что удобно.

Дашка в восторге. А я... я не знаю, как после разговора с Андреем оставаться в квартире одной. Слишком болезненные воспоминания точно не дадут уснуть... а вот душу наизнанку вывернут однозначно.

Сворачиваю машину в ближайший карман и достаю телефон. Едва слышу: «Алло!», выпаливаю:

– Можно я к тебе приеду?!

Ответ звучит меньше, чем через секунду. Мягкий, сопе-реживающий, отогревающий заледеневшую душу.

– Конечно, можно, родная. Приезжай. Я тебя всегда жду.

– Спасибо, мамочка.

Закусываю губу, чтобы не разреветься. Нельзя за рулем, иначе дурных дел натворю. Я и так неуверенный в себе водитель, а в разобранном состоянии – и подавно.

Материнское сердце будто чувствует, как мне плохо и больно, и не спешит отпустить.

Мама задает вопросы, что приготовить, пока я еду, подкидывает собственные идеи «вкусненького», перечисляя, кажется, не просто состав собственного холодильника, а всего магазина, что находится в пяти минутах ходьбы от дома. И скажи я, к примеру, что хочу творожок с черникой, а не с клубникой, который она обычно себе берёт, не сомневаюсь, она без раздумий соберется, оденется и пойдет покупать нужный.

Спустя десять минут мне действительно становится легче. Не столько потому, что получилось переключиться на более приземленные вещи, сколько из-за того, что я определилась с дальнейшим планом действий. О нем и рассказываю маме, когда оказываюсь у нее дома после десяти часов вечера.

Мама живет именно в доме. Небольшом, одноэтажном, но

вполне уютном, построенном в небольшом поселке, которых за пределами столицы, но не очень далеко от нее, образовалось очень и очень много. Ключи от домика мне вручил представитель Виктора Егоровича еще семь лет назад, едва мы втроем – я, мама и Гришка вернулись из-за границы, где брату делали операцию, собирая его едва ли не по частям. Это была наша со старшим Данилевичем договоренность. Что помимо операции и реабилитации, он оплачивает нам жилье взамен того, которое мы навсегда по его требованию покинули.

– Я хочу съездить в наш город, мам. И поеду. Завтра с утра. Мне очень надо.

Она не спрашивает, зачем и куда именно я рвусь – и так отлично всё понимает. За столько лет маршрут не меняется. Но в этот раз одну не отпускает, категорично заявляет:

– Я с тобой.

Смотрю на нее, в глаза заглядываю, еще ясные, но уже всю усыпанные морщинками. Втягиваю в себя губы и закусываю их изнутри, а потом медленно наклоняю голову.

Соглашаюсь.

– Тогда выезжаем в семь. Без опозданий. Ты ж меня разбудишь?

– Конечно, Наташ, разбужу. Даже не переживай по этому поводу. А ты сейчас поужинай и спать ложись. Ведь ляжешь, да?

Мама знает меня, как облувленную. Неверное, не хуже

меня самой, хоть я и старательно задвигаю эту мысль подальше. Скажи мне сейчас, что она может проспать или будильник не срабатывает, я и забуду про сон, сяду у окна и стану ждать рассвета, чтобы его не пропустить.

– Лягу, мамуль. Конечно, лягу... А что ты там про ленивые голубцы говорила?

На мою уловку сменить тему мама поддается, уводит на кухню, кормит и вопросами не засыпает. Дает возможность прийти в себя, выдохнуть, собраться с мыслями.

Тактика отлично срабатывает. Всегда срабатывала.

Чем меньше давления, тем быстрее я сама созреваю до разговора и легче иду на контакт.

– Я Андрея видела, – признаюсь, обнимая теплые края чашки с малиновым чаем и таким образом грея не только руки, но и всю себя. – Точнее, мы работаем с ним вместе. Уже неделю. В разных отделах, но в одном здании.

Мама, не отрывая от меня широко распахнутых глаз, на ощупь находит стул, придвигает и тяжело на него опускается. Ей не нужна фамилия, чтобы понять, о ком речь, достаточно соотнести это с моим состоянием.

– Да как же так-то, Наташ?

Она сцепляет пальцы в замок и прижимает те к груди. Смотрит на меня с жалостью и печалью одновременно, что не может забрать боль себе.

Нервно дергаю плечами.

– Не знаю, мама. Сама в шоке... А еще он Дашку видел.

– Господи...

Киваю. Хмыкаю невесело.

– Он думает, что она его дочь.

– Ай-ай-ай, батюшки... И что теперь делать?

– Хороший вопрос.

Жаль, ответа на него нет.

Пока нет. Но я что-нибудь придумаю.

Не сейчас.

После возвращения.

В пару глотков допиваю чай и, опершись на стол обеими руками, словно старушка, поднимаюсь на ноги.

– Мамуль, я пойду, лягу у Гришки в комнате. Ладно? Разбуди в половине седьмого, если я свой будильник не услышу. Выезд в семь, чтобы в полдень быть на месте.

– Хорошо, родная, – поднимается она следом. – Отдыхай. Дорога туда и обратно легкой не будет.

Глава 11

Наталья

– Привет, – произношу в трубку и одновременно поднимая ладошку, чтобы помахать.

– Привет.

Михал Михалыч в свою очередь тоже вскидывает вверх одну руку, локтем второй в этот момент опираясь на пластиковую раму.

Мне пришлось прилично потоптаться вокруг огромного больничного комплекса, сверху напоминающего букву «Ж», чтобы определиться, с какой именно стороны расположены окна палаты, в которой его положили. И вроде раньше топографическим кретинизмом никогда не страдала, но сегодня я сильно в этом усомнилась.

Едва нашла.

Хотя, скорее дело в том, что рассеянность после поездки в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.